

Хажметова А. А.
English Connection SPb
г. Санкт-Петербург
E-mail: hazhmetova.amina@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЯСЧИСЛЕНИИ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить особенности формирования первичных представлений о времясчислении народов Северного Кавказа и древних германцев. Рассмотрены такие понятия, как лунный календарь, год, сутки, месяц, зима, весна, лето, осень. Отмечено, что в первобытную эпоху люди не видели особой необходимости в точной рубрикации времени. При номинации отдельных циклов применяли расплывчатые названия. Для определения наступления сезонных работ обращались к расположению небесных светил. В статье использован богатый эмпирический материал, отражающий особенности экспликации хронометрических интервалов в сознании носителей северокавказской и древнегерманской культур.

Ключевые слова: месяц, год, лунный календарь, северокавказские народы, древние германцы.

Khazhmetova A.A.
English Connection SPb
Saint Petersburg
E-mail: hazhmetova.amina@gmail.com

PECULIARITIES OF FORMING INITIAL IDEAS OF CHRONOLOGY BY NORTH CAUCASUS PEOPLES AND ANCIENT GERMAN FEATURES

Abstract. The article attempts at tracing peculiarities of forming initial chronological ideas by North Caucasus peoples and ancient Germans. Concepts such as lunar calendar, year, day, month, winter, spring, summer, autumn. Are reviewed It is noted that in primitive times people saw no need to be precise in time categorization and made use of vague terms in nominating individual cycles as well as addressed the location of celestial bodies. to determine the start of seasonal work. The article is based on rich empirical material, reflecting features of explicating chronometric intervals in the minds of native speakers of North Caucasian and Germanic cultures.

Key words: month, year, lunar calendar, the North Caucasian peoples, the ancient Germans.

К.А. Демиденко полагает, что концепт «время года» принадлежит к ядерным в любой культуре, поэтому можем утверждать, что он уже “устоялся”. Типичные темы, отражающие суть данного гнезда, –

животноводство, сельское хозяйство, растения и др. априори имеют важное значение для человека, и вследствие этого находят систематическое отображение в языке [4, с.23]. В данной работе мы попытаемся проследить, с каких временных отрезков северокавказские и древнегерманские народы начали вести счет времени и, в частности, времен года. Так называемую «градацию» временных континуумов в первобытное время.

Первоначально древние народы за единицу времени считали сутки или же по отдельности день и ночь. Большинство народов делили сутки на 24 часа. Для одних, например, древних евреев, афинян, итальянцев, сутки начинались с солнечным закатом, а для вавилонян, сирийцев и персов – с восходом солнца, арабов – с полудня, египтян и римлян – с полуночи [8, с.21-22].

Согласно И.Х. Калмыкову, адыги измеряли время также по суткам и месяцам («мазэ»). Следует отметить, что для обозначения суток у адыгов и у карачаевцев не было специального термина. Понятие сутки заменялось «жэщ-махуэ» – *досл.* «день-ночь», у карачаевцев – «кюн» и «кече», соответственно [7, с.96; 16, с.109]. Как отмечает З.М. Дударева, на начальных этапах становления культуры не существовало общего наименования для обозначения дня и ночи. Потребовалось время, пока определенные временные представления, относящиеся к очевидным изменениям в промежутке дня и ночи, можно было объединить в единый термин [6, с.18]. В.А. Дмитриев предполагает, что понятие суток горцы могли заменить термином «день» (сравн. адыг. чэщмафь, каб.-черк. жэщ-махуэ, карач.-балк. светлое и темное время днем и ночью – кюн и кече, инг. дибийса, осет. шутка от рус. «сутки», чеч. дебуьса) [5, с.224-225; 233].

Т.В. Топорова полагает, что при исследовании, к примеру, пространственно-временных представлений древних германцев, нужно обратить внимание на различные версии космогонического мифа. В особенности на «Старшую и Младшую Эдду», где они наиболее явно сохранились [14, с.17]. По ее мнению, важнейшим этапом в установлении,

древнегерманского времени явилось появления Дня (др.-исл. *Dagr*), сына Деллинга (др.-исл. *Dellingr* «Светящийся») и Ночи (*Nótt*), дочери Нёрви, очеловеченных потомков Виндсваля (*Vindsvafr* «Холодный, как ветер») и Сладкого (*Svasudr* – Зимы и Лета). С возникновением времени связывается момент убийства Бальдра – светлого бога (*Baldr* и.-е. **bhel* – «набухать, наполнять жизненной силой»), который был связан с культом плодородия. Гибель Бальдра знаменовала начало нового периода для вселенной [14, с.19].

По О. Шрадеру же, в центре индоевропейского счета времени находилась ночь, сутки начинали отсчитывать с вечера. Изначально течение ночного времени определялось по петухам. До них же, оно различалось по звездам. Тацит писал следующее о древних германцах: «Они не считают время днями, как мы, но ночами; числом ночей обуславливаются договоры и даются обязательства; ночь повсюду как бы имеет первенство перед днем» [19, с.106-107]. Подтверждением тому служат дошедшие до наших дней древние юридические термины: «*siebennechte*» – семь ночей и «*zweizehnechten*» – четырнадцать ночей, то есть «одна» или «две недели»; также нем. «*Weinachten*» (*zweihennachten*) – «освященная, святая ночь, Рождество Христово», англ. «*fortnight*» – «двухнедельный» и «*sennight*» – «недельный срок», англ.-сакс. «*frigeaefen*» – «в вечер на пятницу», вместо «в четверг вечером», и т. д. [19, с.106].

Как утверждает О.Шрадер, в первобытную эпоху не было никакой необходимости в точном делении дня. Пользовались расплывчатыми наименованиями, как, например, ирл. «*im búagach*» – «утром», букв. «когда привязывают коров» [19, с.106]. Солнце и длина тени также использовалось для счета времени, которое у древних германцев именовалось следующими лексемами: готск. «*undaúrni*» – рано; древне-сканд. «*undern*» – «промежуток между обедом и вечером», англо-сакс. «*undern*» – до полудня, и древне-верхне-немецк. «*untorn*» – полдень. Перечисленные слова были объединены общим латинским корнем «*inter*» и древне-индийским «*intar*» – между, то есть «промежуток от еды до еды, от отдыха до отдыха [19, с.107]. Продолжая

мысль об отсутствии надобности в точном счете времени в первобытное время, процитируем В.А. Дмитриева, который обратил внимание на то, что «традиционная северокавказская метрология не требовала высокой точности. Требования точности не могли возникнуть там, где нет сопоставимости мер и где достаточно приблизительных оценок», однако, тем не менее, «ощущение времени было острым и точным» [5, с.9,223]. Приводя в пример слова осетинского исследователя С. Кокиева из статьи «Заметки о быте осетин», В.А. Дмитриев отмечает, что всю свою деятельность горцы проводят «в назначенный день и час с необыкновенной точностью» [5, с.223].

Вайнахи до недавних пор, к примеру, для определения времени суток, времени солнцестояний и равноденствий пользовались гномоном, использовали также зарубки на подоконниках, в сенях и на стенах башен, применялись также камни, сложенные высоко в горах, каменные стелы. Горцы, жившие на равнине, времена года вычисляли исходя из движений солнца вокруг селения и по звездам [9, с.16]. Каждое горное селение имело свои собственные ориентиры, которые отражали наступление того или иного времени года. Например, приход лета (гъанашир), даргинцы вычисляли по солнечному ориентиру; лето считалось наступившим только тогда, когда солнце садилось над хребтом по имени Лес, а зима – над горой Хулал къукъ, и т.д. [17,с.190].

После суток, за высшую единицу времени была принята неделя, порожденная наблюдениями за лунными фазами [8,с.22-23]. Заметим, что согласно М.М. Глonti, следующим шагом в освоении измерения времени древними народами после деления времени на день и ночь также стало создание лунного календаря [2, с.12].

Лунный календарь пользовался популярностью фактически у всех древних народов. Вследствие этого, месяц занял важнейшее место в древнем времясчислении. Заметим, что у адыгов так же, как и у многих других народов, название месяца совпадает с названием луны, например, каб.-черк. «мазэ», сравн. карач.-балк. и татарск. «ай», осетин. «май», чеч. «бутт» и т.д.

З.А. Мадаева объясняет данное явление тем, что изначально год делился на месяцы по регулярно повторяющимся лунным фазам [9, с.10]. Луна в раннюю эпоху развития человечества, тем самым, выступала «мерительницей времени» [20, с.59]. У карачаевцев осталось древнее счисление по лунным фазам: первую часть месяца они называют «джангы ай», то есть «новый», а вторую «эски ай» – «старый» [16, с.109].

Согласно О. Шрадеру, праиндоевропейцы опирались на три основные единицы времяисчисления – *зима, месяц и ночь*. Древнейшее название зимы выводится из следующих параллелей: лат. «hiems», греч. «cheimōn», др.-инд. «hemanta, hima». Лексема «зима» довольно часто использовалась для обозначения года. Например, в одном из наиболее ранних варварских кодексов «LexSalica» («Салический закон») сохранилось в качестве пережитка индо-европейского «gimushiems» [зима], то есть «год», выражение «en-gimus» – «ежегодно» (ср. др.-сев. «gumant» – «баран» и «gamall» – «старый», которые употреблялись в значении «имеющий от роду более года» [19, с.92, 99].

За выделением месяца, как отдельного временного промежутка, постепенно начали различать времена года, полугодия и год. В работе «Сравнительное языковедение и первобытная история» О. Шрадер пишет, что понятия «года» не существовало в первобытное время, хотя различались времена года. Вследствие наблюдения природных явлений, прежде всего выделялась снежная зима и более мягкое время, делившееся, возможно, на весну (лат. ver) и лето (староверхненемецк. sumar, санскритск. Sámâ – «полугодие»), которые часто употреблялись как часть вместо целого, в особенности «страшную пору» – «зиму, или же они перечислялись по порядку» [20, с.60].

Любор Нидерле в своей книге «Славянские древности» пишет, что предки современных славян в конце своего языческого периода выделяли зиму, ярь – весну, лето и осень – осень, однако, считали года в основном по

зиме и лету. Ими не были еще четко упорядочены месяцы и их названия в эпоху славянского единства, но они использовали различные названия для морозного периода во время зимы, весной – для периода цветения берез и времени, когда начинает расти трава, летом – периода, в течение которого жали хлеба, осенью – для времени рева оленей и опадания листьев [10, с.580-581].

Горцы делили год на четыре временных отрезка, границы между которыми были довольно размыты в силу зависимости от характера погодных условий, нежели вычисления длительности сезона [5, с.273]. В Египте же, например, считалось, что существует всего три сезона – зима, весна и лето [12, с.52], согласно Шамполиону, египетский год делился на три периода: наводнения, произрастания и жатвы [8, с.44], в Древнем Китае выделяли пять времен года, причем пятое наступало за летом и длилось очень короткое время, оно считалось центром годовичного цикла [11, с.27].

Отто Шрадер предполагает, что у предков современных индоевропейцев было только два времени года, так как встречаются лишь «по одной паре ритмически противопоставленных названий времен года: нем. «wintar-sumar», ирл. «gam-sam», арм. «jmerh-amarn», др.-иран. «zyam-ham», которые, с одной стороны, созвучны латинскому «hiems», а с другой – немецкому «sommer». Бэда-Проповедник писал об англо-саксах, что они делили год на зиму и на лето. Доказательством тому могут послужить древнегерманские изречения, сохранившиеся в Хелианде, типа «the habda sô filu vintro, endi sumaro gilibd» – «он прожил столько зим и лет»; или также в песне о Гильдебранде: «Ic wallôta sumaro enti wintro sehstic» («Я пережил шестьдесят лет и зим») [19, с.100]. В праязыке возможно существовал специальный термин для обозначения совокупности зимы и лета, или же зимы, весны и лета: греч. vétos, древне-инд. «vatsará»– «год», лат. «vetus» – досл. «обремененный годами» и нем. «Widder» (древне-верхне-нем. «widar» – «баран, овен») в значении «годовалый самец» [19, с.101].

Существование годового цикла у индоевропейцев может подтверждаться 12 священными ночами (с 25 декабря по 6 января). Считалось, что эти ночи дополняют 354-дневный лунный год ($29 \frac{1}{2} \times 12$) до 366-дневного солнечного. Одни исследования показывают, что эти 12 месяцев получили свой статус под влиянием вавилонской культуры. Но, как замечает О. Шрадер, предки индоевропейцев упустили из виду факт наличия только 360 дней, а не 366 в вавилонском году, где 12 месяцев, каждый из которых составлял 30 дней, согласовывался с солнечным годом через специальные вставочные дни.

Исследования допускают, что 12 священных ночей являются культурным заимствованием, что «...они не что иное, как своеобразное приспособление к языческим нравам христианского додекахемерона...» [19, с.103]. Исходя из приведенных мнений, О. Шрадер полагает, что в первобытную эпоху оба лунных календаря: синодический и сидерический бытовали в полной независимости от солнечного [19, с.103], «...потому что те люди еще не умеют подвести его под время обращения солнца, значение которого для деления времени они еще не поняли» [20, с.59-60].

Самым благоприятным временем для всех начинаний считались новолуние и полнолуние. Например, германские прорицательницы увещевали воинов сражаться до новолуния, если те хотели победить врага. Праздники также приурочивались к новолуниям. Тацит писал следующее о древних германцах: «Без крайней надобности или нежданной случайности они собираются только в определенные дни, в новолуния или полнолуния; ибо считают их наиболее благоприятными для всякого рода совещаний и дел» [19, с.104-105]. Наблюдения луны и перемен ее были единственным основанием индогерманского деления времени [20, с.59].

Адыги, по лунному календарю год делили на 12 месяцев, каждый из которых длился 29 или 30 суток, в итоге год равнялся 354 суткам и отставал от солнечного года на 11 суток [7, с.96]. Некоторые исследователи считают, что на практике лунный календарь был неудобен, поэтому не получил

широкого применения, так как каждый год отставал от солнечного счисления на 11 дней, тем самым хиджра (мусульманский календарь) не учитывала фенологические изменения в природе даже в рамках одного года и в нем не находила свое отражение трудовая жизнь населения, его применяли лишь для уточнения религиозных дат и празднеств [9, с.16-17].

У адыгов впоследствии бытовал смешанный солнечно-лунный календарь. Черкесский год начинался 21 марта (день весеннего равноденствия) и составлял 12 месяцев, включавшие в себя четыре времени года (гъатхэ, гъэмахуэ, бжьыхьэ и щ1ымахуэ) [3, с.372]. У древних осетин годовой круг начинался от праздника Нового года до Комасхæн («заговень»; диг. Комасхæн продолжалось с первой половины января до первой половины февраля). Вследствие того, что по осетинскому календарю луна рождалась 13 раз в году, то в году получалось 360 дней и 2 часа ($28 \text{ дней } 2 \text{ часа} \times 13 = 360 \text{ дней } 2 \text{ часа}$) [1, с.40, 42].

После принятия ислама в адыгском календаре появился тринадцатый священный лунный месяц рамадан, отличавшийся от остальных двенадцати месяцев тем, что не был привязан к хозяйственной деятельности и непрерывно циркулировал по солнечному календарю. Авторы Адыгской (Черкесской) энциклопедии отмечают, что арабские термины для означивания временных отрезков у черкесов не прижились, за исключением священного месяца Рамазан [3, с.372]. У черкесов не было принято никакого начального этапа счисления времени, за исключением служителей ислама, ведших счет времени по хиджре. Короткие временные отрезки черкесы мерили по природным и социальным катаклизмам. Те или иные исторические события связывались друг с другом благодаря хорошо слаженной генеалогии, историческим преданиям и песням [15, с.108; 3, с.372]. Следует отметить, что у адыгов год начинали отсчитывать не только с Нового года, но и с земледельческих и скотоводческих праздников, которые соответствовали началу и концу аграрных работ [3, с.372].

Появление же счисления годами связано с повторением одних и тех же сезонов, а именно весны и осени. Древними народы обращали внимание на то, что от одного весеннего равноденствия до следующего требовалось не больше 12-ти лунных месяцев (лунаций) [8, с.25].

Народы Северного Кавказа понимали год как совокупность событий и единицу времени. С одной стороны, годичный цикл считался состоящим из важнейших для них частей, а с другой – непрерывным временным континуумом (например, пастух получал одну и ту же плату при найме на период от месяца до года, без учета срока службы) [5, с.272].

Народное летоисчисление структурировало календарное время в ходе жизнедеятельности, характерной для определенного сезона и отслеживанием метеоизменений, дававшими возможность рассчитать время согласно изменениям в фауне и флоре, наблюдая за небесными светилами, главным образом за Солнцем. Календарь, сформированный подобным образом, использовался в свою очередь в качестве набора знаний о расположении Солнца и звезд в те или иные периоды годового цикла [5, с.273]. Год, таким образом, составлялся из двух перемежающихся циклов хозяйственных работ и ритуалов, выполнявшимся в конкретное время. Следовательно, «...годичный цикл культуры образовывался хозяйственным и праздничным ритмами деятельности при периодической коррекции с учетом астрономических наблюдений» [5, с.273-274]. Но, как считает исследователь, все же нужно проводить грань между ритуалами, сугубо относимыми к хозяйственной деятельности, тем самым ставшими частью календарной обрядности, и ритуалами, представляющими собой средство обращения с хроносом [5, с.274].

Северокавказские народы наступление соответствующего времени года определяли по тому, как в конкретное время Солнце появлялось над какой-то одной точкой на горном пике или же скале, которые служили своего рода

“обсерваториями”, а также наблюдениями за небесными светилами [5, с.274-275].

А. Т. Шортанов в своей работе «Адыгская мифология» пишет о том, что для установления того или иного времени года адыги ориентировались по времени появления созвездий. Например, по созвездию Большая Медведица («Вагъуэзэшибл» – досл. «Семь звезд-братьев») определяли время ночью. Если оно поворачивается, то наступает рассвет – «Вагъуэзэшиблым зигъазэмэ нэху мэщыр». Пояс Ориона («К1апсэк1эщ1 вагъуэ» – досл. «Звезда с короткой веревкой») знаменовал окончание периода полевых работ и начало заготовки дров на зимнее время; Волосы Вероники («Вагъуэбаш» – досл. «Звезда-палка») символизировали начало пастбищного периода; Арктур в Волопасе – можно перегонять на высокогорные пастбища. «Звезда-тренога» – «Вагъуэщэлъахъэ» была предвестником окончания весенне-полевых работ и ухода скота на отдых.; появление Треугольника с сентября по декабрь (каб.-черк. «Вагъуэ гублащхьэдэсэ» – досл. «Звезда-рогулина») считалось периодом вывоза скошенного сена с лугов. Лира («Дэжывагъуэ» – досл. «Выбегающая звезда») восходила в начале лета; первой же звездой зимы являлся Сириус в Большом Ное (Темыркъазакъ вагъуэ). В этой номинации обращает внимание на себя то, что первая часть темыркъазакъ заимствована из тюркских языков и в переводе означает «железный кол». Так воспринимали древние тюрки Полярную звезду. За появлением Вагъуэбэ (вагъуэ – «звезда, созвездие»; бэ – «множество»), то есть многозвездие; соответствует созвездию Тельца (Taurus); черк. Созвездие Дельфина). В этот период начинался обильный рост растений [18, с.38-39]. Большая Медведица у северокавказских народов особо почиталась в силу своего семизвездия, так как число «7» считалось сакральной цифрой. Оно также помогало ориентироваться в ночное время всадникам и войнам во время походов [5, с.223]. У вайнахских народов холодное и теплое время разграничивалось появлением созвездия Плеяды, пастухи же (в том числе и дагестанские) упорядочивали время выпаса скота в

горах, отмечает В.А. Дмитриев [5, с.275]. Лакцы, к примеру, увидев Венеру («Чанна ц1уку») под утро, выходили в поле [17, с.].

Главной же причиной, побудившей людей наблюдать за небесными светилами и их изменениями, была потребность вычисления сезонных работ и смены времен года [13, с.14].

Исходя из данных, приведенных в настоящей работе, мы можем заключить следующее: начальной единицей времени в праиндоевропейское время принимались сутки, которые делились на день и ночь. Для их обозначения у многих народов не существовало отдельного термина, что наблюдается и сегодня, например, в английском языке для наименования суток используется сочетание ‘twenty-four hours.’

В древнее время не было потребности в точном отслеживании времени. Основной временной рамкой считался отрезок длиной в месяц, вследствие чего лунный календарь получил широкое распространение у всех древних народов, хотя впоследствии он и начал замещаться смешанным солнечно-лунным календарем. Позже, в ходе развития фенологических знаний, стали выделять годичный цикл, который также подразделялся на соответствующие временные отрезки.

Библиография

1. Гатуев Алексей, протоирей. Христианство в Осетии. Исторический очерк / Составл., ред.: А.А. Горобец. – Владикавказ: Олимп, 2007. – 176 с.
2. Глонти М.М. К типологии баскского календаря: (термины недели, терминосистемы и их сложение) / АН ГССР, Отделение языка и литературы; Общество баскского языка и культуры. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. – 105 с.
3. Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н., Думанов Х.М., Думанова Ф.Х. Народные знания (астрономия, метрология и хронология) //Адыгская (Черкесская) энциклопедия. / Гл. ред. проф. Кумахов М.А. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 370-372.
4. Демиденко К.А. Мотивационно-ассертивное моделирование гнезд однокоренных слов группы «Времена года» (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Кемерово, 2007. – 24 с.
5. Дмитриев В.А. Отношение к пространству и времени в культуре народов Северного Кавказа. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. – 401 с.

6. Дударева З.М. Время // Антология концептов. /Под ред. В.И. Карасика и И.А. Стернина. Том 4. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 4-28.
7. Калмыков И.Х. Следы религиозных воззрений в календарной системе адыгов // Проблемы атеистического воспитания в условиях Карачаево-Черкесии: сб. статей. – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979. – С. 96-103
8. Лалош М.Н. Времячисление христианского и языческого мира с изложением календарей: китайского, японского, народов Индокитая, египетского, древнегреческого, римского, Юлианского и Григорианского, а также еврейского и магометанского, и с особенно-подробным объяснением русского летосчисления с приложением таблиц и с показанием применения их к поверке русских летописей. 1867. Т. VI. – Санкт-Петербург: типография А. Головачова, 1867. – 226 с.
9. Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. – Грозный: Чечено-Ингушское издательское объединение «Книга», 1990. – 96 с.
10. Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 784 с.
11. Словарь символов / Авт.-сост. М.В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2010. – 224 с.
12. Словарь символов / сост. Тресиддер Дж. / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
13. Тменов А.В. Космологические представления осетин (исторический аспект): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2005. – 23 с.
14. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – Москва: Радикс, 1994. – 190 с.
15. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
16. Шаманов И.М. Народный календарь карачаевцев // Советская этнография. – 1971. – № 5, С. 108-117.
17. Шихсаидов А.Р. Сельскохозяйственный календарь народов Дагестана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период): сб. статей. / Отв. ред. проф. В.Г. Гаджиев. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1974. – С. 183-212.
18. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 196 с.
19. Шрадер О. Индоевропейцы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
20. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистико-исторические материалы для исследования индогерманской древности. – Санкт-Петербург: типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1886. – 482 с.

References

1. Gatuev Aleksej, protoirej. Hristianstvo v Osetii. Istoricheskij ocherk / Sostavl., red.: A.A. Gorobec. – Vladikavkaz: Olimp, 2007. – 176 s.
2. Glonti M.M. K tipologii baskskogo kalendarya: (terminy nedeli, terminosistemy i ih slozhenie) / AN GSSR, Otdelenie yazyka i literatury; Obshchestvo baskskogo yazyka i kul'tury. – Tbilisi: Mecniereba, 1988. – 105 s.
3. Gubzhokov M.N., Prasolov D.N., Dumanov H.M., Dumanova F.H. Narodnye znaniya (astronomiya, metrologiya i hronologiya) //Adygskaya (CHerkesskaya) ehnciklopediya. / Gl. red. prof. Kumahov M.A. – М.: Fond im. В.Н. Akbasheva, 2006. – С. 370-372
4. Demidenko K.A. Motivacionno-assertivnoe modelirovanie gnezd odnokorenyh slov gruppy «Vremena goda» (na materiale sovremennogo russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. – Kemerovo, 2007. – 24 s.

5. Dmitriev V.A. Otnoshenie k prostranstvu i vremeni v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza. – SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. – 401 s.
6. Dudareva Z.M. Vremya // Antologiya konceptov. /Pod red. V.I. Karasika i I.A. Sternina. Tom 4. – Volgograd: Paradigma, 2006. – S. 4-28.
7. Kalmykov I.H. Sledy religioznyh vozzrenij v kalendarnoj sisteme adygov // Problemy ateisticheskogo vospitaniya v usloviyah Karachaevo-CHerkesii: sb. statej. – CHerkesk: Karachaevo-CHerkeskij NII ehkonomiki, istorii, yazyka i literatury, 1979. – S. 96-103
8. Lalosh M.N. Vremyaschislenie hristianskogo i yazycheskogo mira s izlozheniem kalendarej: kitajskogo, yaponskogo, narodov Indokitaya, egipetskogo, drevnegrecheskogo, rimskogo, YUlianskogo i Grigorianskogo, a takzhe evrejskogo i magometanskogo, i s osobenno-podrobnym ob"yasneniem russkogo letoschisleniya s prilozheniem tablic i s pokazaniem primeneniya ih k poverke russkih letopisej. 1867. T. VI. – Sankt-Peterburg: tipografiya A. Golovachova, 1867. – 226 s.
9. Madaeva Z.A. Narodnye kalendarnye prazdniki vajnahov. – Groznyj: CHEcheno-Ingushskoe izdatel'skoe ob"edinenie «Kniga», 1990. – 96 s.
10. Niderle L. Slavyanskije drevnosti / Per. s cheshsk. T. Kovalevoj, M. Hazanova / Otv. red. O.A. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2015. – 784 s.
11. Slovar' simvolov / Avt.-sost. M.V. Adamchik. – Minsk: Harvest, 2010. – 224 s.
12. Slovar' simvolov / sost. Tresidder Dzh. / Per. s angl. S. Pal'ko. – M.: FAIR-PRESS, 1999. – 448 s.
13. Tmenov A.V. Kosmologicheskie predstavleniya osetin (istoricheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Vladikavkaz, 2005. – 23 s.
14. Toporova T.V. Semanticheskaya struktura drevnegermanskoj modeli mira. – Moskva: Radiks, 1994. – 190 s.
15. Han-Girej. Zapiski o CHerkesii. – Nal'chik: EHI'brus, 1978. – 333 s.
16. Shamanov I.M. Narodnyj kalendar' karachaevev // Sovetskaya ehtnografiya. – 1971. – № 5, S. 108-117.
17. Shihsaidov A.R. Sel'skohozyajstvennyj kalendar' narodov Dagestana // Voprosy istorii Dagestana (dosovetskij period): sb. statej. / Otv. red. prof. V.G. Gadzhiev. – Mahachkala: Dagestanskij filial AN SSSR. Institut istorii, yazyka i literatury im. G. Cadasy, 1974. – S. 183-212.
18. Shortanov A.T. Adygszkaya mifologiya. – Nal'chik: EHI'brus, 1982. – 196 s.
19. Shrader O. Indoevropejcy. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. – 216 s.
20. Shrader O. Sravnitel'noe yazykovedenie i pervobytnaya istoriya. Lingvistiko-istoricheskie materialy dlya issledovaniya indogermanskoj drevnosti. – Sankt-Peterburg: tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya (A. Benke), 1886. – 482 s.